

Д.В. ПЕЖЕМСКИЙ

*Россия, Москва, Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина
Московского государственного университета*

**КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТОМСКА XVII–XIX ВЕКОВ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Проведено межгрупповое сравнение антропологических особенностей жителей г. Томска XVII–XIX вв. по данным морфологии черепа. Используются краниометрические материалы, полученные С.М. Чугуновым на рубеже XIX–XX столетий и позднее заново опубликованные В.А. Дрёмовым. Судя по результатам многомерных статистических анализов, население Томска пока не находят себе близких аналогий среди групп населения Европейской России финальной поры этногенеза русского народа, в том числе – населения Русского Севера и Северо-Запада. Возможно, это объясняется характером материалов В.П. Алексеева по русским XIX в., так они являются сборными сериями не всегда ясного происхождения; кроме того, нельзя исключить влияния эпохальной динамики в строении черепа, так как население Томска в среднем представляет более ранние эпохи. Среди жителей Томска в этот период присутствовал антропологический компонент, связанный своим происхождением с коренным населением региона (чулымскими татарами). Однако, предположение о широкой метисации между русскими и чулымцами пока не находит подтверждения, так как у мужчин этот компонент представлен в исходном варианте, а у женщин он практически отсутствует. Ослабление европеоидных черт у населения Томска, скорее всего, не связано с притоком женщин из среды томских или чулымских татар и имеет иное происхождение.

Ключевые слова: физическая антропология, палеоантропология, морфология черепа человека, краниометрия, антропологический состав, православное население Томска, чулымские татары

D.V. PEZHEMSKIY

*Russia, Moscow, Research Institute and Museum of Anthropology named after D.N. Anuchin
of Moscow State University*

**CRANIOLOGICAL FEATURES OF THE POPULATION OF TOMSK XVII–XIX CENTURIES:
COMPARATIVE ANALYSIS**

An intergroup comparison of the anthropological features of Tomsk residents of the XVII–XIX centuries according to the morphology of the skull. There is used the craniometric materials obtained by S.M. Chugunov at the turn of the XIX–XX centuries and later re-published by V.A. Dryomov. Judging by the results of multivariate statistical analyzes, the population of Tomsk does not yet find close analogies among the groups of the population of European Russia of the final period of the ethno-genesis of the Russian people, including the population of the Russian North and the North-West. Perhaps this is due to the nature of the V.P. Alekseev's materials on the Russians of the XIX century, as they are collective series of not always clear origin; in addition, it is impossible to exclude the influence of epochal dynamics in the skull structure, since the population of Tomsk on average represents earlier eras. Among the inhabitants of Tomsk in this period was an anthropological component, associated in their origin with the indigenous population of the region (Chulym Tatars). However, the assumption of broad cross-breeding between the Russians and Chulymians is not while confirmed, as in men this component is represented in the original version, and women have it is virtually nonexistent. The weakening of the Caucasoid traits in the population of Tomsk is most likely not related to the influx of women from the neighbouring Tomsk or Chulym Tatars and has a different origin.

Keywords: physical anthropology, paleoanthropology, human skull morphology, craniometry, anthropological composition, the Orthodox population of Tomsk, Chulym Tatars.

В последние десятилетия изучение физических особенностей русских эпохи позднего средневековья и раннего Нового времени вышло на совершенно новый уровень. Особенно рельефным выглядит сейчас исследование антропологического состава населения русских городов [см., например: Гончарова, 2000, 2011; Санкина, 2000; Дубов, Дубова, 2000; Пежемский, 2000; 2004; 2012; 2013; Суворова, 2007; Харламова, 2010; 2012; Васильев, Боруцкая, 2013; Макарова, 2011а; Макарова, Газимзянов, Михеев, 2013; Евтеев, Олейников, 2015; Конопелькин, Гончарова, 2016]. Причин этому несколько, главные из которых – резкое увеличение объемов археологических работ в городах и расширение тематики археологических исследований, в результате чего идет бурное пополнение фонда палеоантропологических источников, а также изменение исследовательского дискурса в самой отечественной палеоантропологии, где довольно долго изучение останков из городских кладбищ XVII–XIX вв. не считалось чем-то необходимым. На этом фоне ярким эпизодом были усилия В.П. Алексеева, введшего в научный оборот данные о целом ряде таких краниологических серий

[1969]. Огромным «белым пятном» в этом отношении до недавнего времени была территория Сибири. Появление первых данных об антропологических особенностях русских Сибири XVIII–XIX вв. пока кардинально не меняет ситуации с лакуарностью наших знаний в этой области [см., например: Багашёв, Антонов, 2005; 2010; Суворова, Харламова, 2008; Рейс, Рейс, 2011; Слепченко, Тагаурова, 2012; Харламова, Галеев, Лейбова, 2012; Рыкун, Васильева, 2013; Савенкова и др., 2013; Харламова, Галеев, 2013].

На фоне сложившейся историографической ситуации особняком стоит работа Владимира Анатольевича Дрёмова (1940–1996), посвященная краниологической характеристике населения города Томска XVII–XIX вв. [Дрёмов, 1998а]. Данное исследование тем более важно, что воскрешает для нас страницы истории отечественной физической антропологии, связанные с именем Сергея Михайловича Чугунова (1854–1920), очень много сделавшего для её развития [Дрёмов, Багашёв, 1998; Яковлев, 2004; Багашёв, 2006; Макарова, 2011б]. Его перу принадлежит первое исследование по краниологии русских Сибири, оставшееся единственным целое столетие [Чугунов, 1905]. Будучи профессором Томского университета, С.М. Чугунов проводил обширные антропологические исследования населения Западной Сибири. Изучение черепов из православных кладбищ Томска, серии которых были получены в ходе строительных работ в разных частях города, стало важным этапом этих исследований. Им было измерено несколько сотен черепов. Лучше всего оказалось представлено кладбище у древнейшей в городе Троицкой церкви, стоявшей на южной оконечности Воскресенской горы. Кроме того, были изучены краниологические серии из кладбищ Воскресенской, Богоявленской и Духовской церквей, а также черепа со старообрядческого кладбища, находившегося близ Соляной площади. Большая часть черепов из этих сборов была перезахоронена, однако до сего дня сохранилось три десятка экспонатов в Музее нормальной анатомии Томского медицинского университета и Кабинете антропологии им. Н.С. Розова Томского государственного университета. Они позволили В.А. Дрёмову вернуться к этой проблематике, выявить особенности измерительной методики конца XIX в., провести повторные измерения и сравнить свои результаты с данными С.М. Чугунова. Именно на результатах В.А. Дрёмова хотелось бы сконцентрироваться в данной статье, ибо специфика палеоантропологических работ рубежа ушедших столетий не позволяет использовать их в полной мере, они во многом устарели. Не устаревают только материалы, в них содержащиеся. Сравнительный анализ В.А. Дрёмов выполнил эмпирически. В его распоряжении в ту пору были только краниологические данные по русскому населению различных губерний XIX в. [Алексеев, 1969]¹. В.А. Дрёмов приходит к выводу о сходстве населения Томска с русскими Северо-Запада, Севера и отчасти Северо-Востока (Петербургская, Вологодская, Архангельская, Олонецкая, Костромская, Вятская губернии). «В целом же по выраженности монголоидных черт все русские группы Восточной Европы заметно уступают томской» [Дрёмов, 1998а. С. 146]. Цитата приведена в качестве примера, показывающего межрасовый масштаб, на фоне которого проведено это сравнение. Конечно же, нельзя говорить о какой-либо «выраженности монголоидных черт» у русского восточноевропейского населения.

Новым этапом работы над этой темой может стать широкий сравнительный анализ материалов С.М. Чугунова, переработанных В.А. Дрёмовым, что формулируется здесь как цель исследования. В качестве его задач хотелось бы обозначить следующие:

- 1) сравнить, вслед за В.А. Дрёмовым, краниологические характеристики населения Томска с характеристиками русского населения различных губерний Европейской части России XIX в.;
- 2) сравнить население Томска с коренным населением региона и попытаться найти параллели краниологическим комплексам томичей, обозначенным С.М. Чугуновым как «тюрко-монгольский» и «другие инородческие», среди краниологических особенностей томских и чувлымских тюрок и селькупов.

Оговоримся сразу, что в данной работе не предполагается проводить сравнение краниологических данных по Томску с данными по черепам из других городских и сельских кладбищ Сибири. В рамках решения первой задачи здесь представлены результаты тех же самых сопоставлений, которые выполнил В.А. Дрёмов, только при помощи методов многомерной статистики, а именно такого мощного её инструмента, как канонический дискриминантный анализ (проведен при помощи программного модуля MultiCan; разработчик – И.А. Гончаров, 2013 г.).

Цифровые материалы по населению Томска использованы при статистической обработке в следующих вариантах: типы по С.М. Чугунову – «русско-славянский», «русско-инородческий», «тюрко-монгольский» и «другие инородческие типы», и обобщенная томская выборка по В.А. Дрёмову. Проведенный ранее анализ цифрового материала обоих авторов позволяет уверенно опираться в сравнительных анализах только на 7 краниометрических признаков – продольный (1.), поперечный (8.) и высотный (17.) диаметры мозгового отдела черепа, наименьшая ширина лобной кости (9.), скуловая ширина (45.), верхняя высота лицевого скелета (48.) и высота носа (55.)² – которые отражают только самые общие размеры черепа. По отдельным выборкам с территории Томска (т.н. «типам» С.М. Чугунова) отсутствуют данные по углам горизонтальной и вертикальной профилировки, размерам и пропорциям переносья, глубине клыковой ямки и другим при-

¹ Недавно была высказана точка зрения, согласно которой это население в целом можно считать сельским [Конопелькин, Гончарова, 2016], с чем довольно трудно согласиться.

² В скобках указаны номера признаков по Р. Мартину.

знакам, важным для дифференциации рас первого порядка – европеоидной и монголоидной, в том числе необходимым для оценки характера возможных процессов метисации между ними.

Сравнительные материалы представлены 11 краниологическими выборками по губерниям Европейской России и 10 сериями черепов коренного населения. К первым относятся черепа с территории Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Псковской, Петербургской, Тверской, Московской, Ярославской, Костромской и Вятской губерний [Алексеев, 1969]. Вторые представлены краниологическими сериями томских (Тоянов городок, Козюлино, обские татары) и чулымских тюрков (Яшашная гора, Тургай–Балагачево, устья р. Яя и Кия, среднее течение Чулыма, Рубеж), а также нарымских и чулымских селькупов [Дрёмов, 1998б, 1998в]. В таком варианте анализ проведен только для мужских черепов.

Описание анализа 1. Два первых канонических вектора описывают 75,8 % общей изменчивости. Судя по всему, это связано с малым набором анализируемых признаков. Канонический вектор I принимает на себя 48,6 % общей изменчивости и отделяет группы с широким лицом и относительно узкими лбом и мозговой коробкой в целом от противоположной комбинации признаков. В силу ограниченного объема статьи здесь не приводятся нагрузки канонических векторов (далее – КВ), тем не менее отметим, что КВ II описывает 27,2 % общей изменчивости и отделяет выборки с высоким сводом черепа, высоким носом и при этом относительно низким (!) лицом от групп с противоположной комбинацией признаков. Размещение групп в морфологическом пространстве КВ I и КВ II **показывает, что томские выборки – и обобщенная, и так называемые «типы» С.М. Чугунова, за одним, вполне ожидаемым исключением – заняли совершенно обособленное место (рис. 1).** Они занимают промежуточное положение между группами русских XIX в. и группами томских татар и селькупов по значениям КВ I. Выборка «русско-славянского» типа значительно смещена в сторону выборок русских Европейской России по значениям КВ I. **При этом для томичей характерны большие положительные значения КВ II, то есть им свойственны высокий свод черепа и высокий нос при относительно низком лице – очень специфическая черта, собственно и предопределяющая краниологическую обособленность населения города Томска XVII–XIX вв.** Стоит отметить, что обобщенная краниологическая характеристика населения Томска ближе всего к «русско-инородческому» типу С.М. Чугунова.

Все группы русских XIX в. с территории Европейской России образовали в этом масштабе сравнения компактное скопление, показав отрицательные значения по обоим КВ – они характеризуются относительно узким лицом, широкой мозговой коробкой и лобной костью, низким сводом и носом при относительно высоком лицевом скелете. Столь обособленное положение этих серий и выборок черепов из томских кладбищ не позволяет пока согласиться с выводом В.А. Дрёмова о близости населения Томска и населения Русского Севера и Северо-Запада.

Обратим внимание на то, что исключительно все краниологические серии, представляющие коренное население региона, также хорошо обособлены и расположены на графике компактно, в зоне положительных значений КВ I (за исключением чулымских селькупов, отделяющихся по значениям КВ II), что означает широкое лицо, менее широкую мозговую коробку и, главное, узкую лобную кость. Теперь об исключении, упомянутом выше. Единственная выборка, искусственно сформированная из томских черепов, отнесенных С.М. Чугунову к «тюрко-монгольскому» типу, органично вошла в это множество и заняла положение, крайне близкое выборке чулымских тюрков (могильники Тургай и Балагачево на Нижнем Чулыме). Таким образом, нет никаких сомнений в том, что и С.М. Чугунов, выделивший этот тип эмпирически, и В.А. Дрёмов, показавший монголоидную примесь в населении Томска математически, были совершенно правы – коренное население, уже крещеное, безусловно, проживало в городе и захоранивалось на православных кладбищах. Однако, результаты проведенного анализа не позволяют безоговорочно принять идею широкой метисации русского населения Томска и чулымцев, так как обобщенная выборка томичей и так называемые «русско-инородческий» и «другие инородческие» типы не сближаются с морфологическим «полем», образованным коренными народами. Несмотря на то, что некая промежуточность их между «русско-славянским» и «тюрко-монгольским» типами может быть здесь усмотрена, не следует придавать этому большого значения, ибо, как будет ясно из дальнейшего изложения, место «русско-славянского» типа С.М. Чугунова на антропологической карте России пока не очевидно.

Описание анализа 2. Данный анализ был проведен для женских выборок и имел единственной целью сравнение женского варианта «тюрко-монгольского» типа С.М. Чугунова с краниологическими особенностями коренного населения. Сопоставление проведено в первую очередь по причине того, что В.А. Дрёмовым предполагалось активное вовлечение именно местных женщин в процессы формирования православного населения Томска. Им, на индивидуальном уровне, был проведен детальный анализ значений тех признаков, по которым обычно осуществляется диагностика монголоидной примеси – обобщенный показатель уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фацио-церебральный указатель (ПФЦ) и условная доля монголоидного элемента (УДМЭ). Для женской части выборки констатировано бесспорное присутствие монголоидного элемента, что интерпретировано как «начальный этап этнического взаимодействия русского и коренного населения» [Дрёмов, 1998а. С. 147].

Женские черепа анализировались здесь по тому же набору признаков, что и мужские. В качестве сравни-

тельных взяты те же серии томских и чулымских тюрок и селькупов, что и в случае с мужскими черепами (за исключением обских татар). Первые два канонические вектора описывают 87,5 % общей изменчивости, при этом КВ I принимает на себя 71,6 % изменчивости, которая в основном определяется широким лицом и низким носом (рис. 2).

В главных чертах итоги анализа женских выборок сходны с тем, что было выявлено по мужским сериям. Кроме того, обнаружались совершенно новые, неожиданные результаты:

- женское население Томска, как и в массе своей мужское, демонстрирует исключительную самостоятельность своего антропологического облика, что на фоне монголоидных групп не удивительно;
- женский вариант «тюрко-монгольского» типа, ни в коей мере не тяготеет к выборкам коренных народов региона (как это было у мужчин), а наоборот, вполне органично вписывается в разнообразие антропологических «типов» Томска;
- женский вариант «русско-славянского» типа С.М. Чугунова гораздо ближе к обобщенной серии томицей, нежели это было выявлено в мужской части популяции;
- существенное отклонение от краниологического разнообразия женского населения Томска демонстрирует так называемый «русско-инородческий» тип, вполне возможно из-за очень малой численности наблюдений;
- совсем специфичным, практически превышающим межрасовую изменчивость в рамках выбранного масштаба, является выборка, обозначенная как «другие инородческие», истолковать эту специфику на текущем этапе работы не представляется возможным.

Выводы:

1. По данным о морфологии черепа население Томска XVII–XIX вв. обладает, в мужской своей части, существенными антропологическими отличиями по отношению к русскому населению, рассмотренному по губерниям Европейской России XIX в. (в том числе – с территории Русского Севера и Северо-Запада).

2. В составе населения Томска, безусловно, присутствует антропологический компонент, связанный своим происхождением с местным населением (чулымскими татарами?):

- однако на текущем этапе разработки проблемы нет возможности говорить о процессе широкой метисации между русскими и чулымцами, так как у мужчин этот компонент представлен в исходном варианте (механическая примесь), а у женщин он практически отсутствует;
- судя по всему, это свидетельствует о проживании представителей коренных народов в городе, их профессиональном единстве с русскими, однако не значительном участии в процессах воспроизводства населения;
- ослабление европеоидных черт у жителей Томска, ранее установленное В.А. Дрёмовым, не связано с притоком женщин из среды томских или чулымских татар и имеет, скорее всего, иное происхождение, природу которого ещё только предстоит выяснить.

Литература

Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.

Багашёв А.Н. Материалы к биографии Сергея Михайловича Чугунова (в связи со 150-летием со дня рождения) // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 168–172.

Багашёв А.Н., Антонов А.Л. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения Омского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 29–37.

Багашёв А.Н., Антонов А.Л. Краниологическая характеристика русских старожиллов Омского Прииртышья // Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. Омск: Апельсин, 2010. С. 247–280.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Палеоантропологический анализ погребений из Кашинского Кремля (раскоп Воскресенский 1) // Вестник антропологии. 2013. № 3. С. 107–120.

Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.: Старый сад, 2000. С. 66–94.

Гончарова Н.Н. Формирование антропологического разнообразия городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии. Вып. 19. 2011. С. 202–216.

Дрёмов В.А. Население Томска в XVII–XVIII вв. // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998а. С. 140–147.

Дрёмов В.А. Нарымские селькупы // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998б. С. 110–113.

Дрёмов В.А. Томские и чулымские тюрки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998в. С. 67–84.

Дрёмов В.А., Багашёв А.Н. История антропологических исследований // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 12–28.

Дубов А.И., Дубова Н.А. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории г. Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.: Старый сад, 2000. С. 130–150.

Евтеев А.А., Олейников О.М. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // РА. 2015. № 1. С. 176–192.

Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // РА. 2016. № 2. С. 75–87.

Макарова Е.М. Первые поселенцы о.-г. Свяжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2011а. С. 21–32.

Макарова Е.М. Персоналии в истории физической антропологии: Н.М. Малиев и С.М. Чугунов (Казанская школа) // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 6. Минск: Беларуская навука, 2011б. С. 330–340.

Макарова Е.М., Газимзянов И.Р., Михеев Е.П. Антропологический состав населения города Чебоксары в XVI–XVII вв.: по материалам раскопок 2006 г. // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 159–170.

Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М.: Старый сад, 2000. С. 95–129.

Пежемский Д.В. Краниологические материалы из раскопок А.В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2004. С. 106–113.

Пежемский Д.В. Первые палеоантропологические материалы из Старой Руссы // Вестник антропологии. Вып. 21. 2012. С. 37–48.

Пежемский Д.В. Новые краниологические материалы по позднесредневековому населению Пскова // Вестник антропологии. 2013. № 3. С. 121–126.

Рейс Т.М., Рейс Е.С. Палеодемографическая характеристика населения Красноярского острога по материалам Покровского некрополя (XVII–XVIII вв.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. С. 555–560.

Рыкун М.П., Васильева Т.В. Результаты исследования антропологического материала из раскопок Богородицко-Алексеевского мужского монастыря г. Томска (конец XVIII–XIX в.) // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 199–201.

Савенкова Т.М., Рейс Е.С., Стрелкова Н.Н., Медведева Н.Н. Возможности использования палеоантропологических материалов в биоархеологических реконструкциях на примере православного Покровского некрополя г. Красноярска (XVII–XVIII вв.) // Вестник ТГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 275–278.

Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 109 с.

Слепченко С.М., Татаурова Л.В. Палеопатологии у русских первопоселенцев татарского Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. Т. 18. № 3. С. 92–101.

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика средневекового населения г. Дмитрова Московской области // Вестник антропологии. Вып. 15. Ч. 2. 2007. С. 378–394.

Суворова Н.А., Харламова Н.В. Антропологические особенности первопоселенцев Иркутска (по материалам раскопок на территории Иркутского острога) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. Суздаль: Институт археологии РАН, 2008. С. 517–519.

Харламова Н.В. Одонтология тверского населения XVI – XVIII веков // Вестник МГУ. Сер. 23: «Антропология». 2010. № 1. С. 91–94.

Харламова Н.В. Тверское население XVI–XX веков по данным краниологии // Вестник антропологии. Вып. 21. 2012. С. 49–58.

Харламова Н.В., Галеев Р.М. Население Иркутска XVIII–XIX вв. по данным краниологии // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 230–243.

Харламова Н.В., Галеев Р.М., Лейбова (Суворова) Н.А. Палеоантропологическое исследование населения г. Иркутска XVII–XIX вв. (краниология и одонтология) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3. Т. 2. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 642–649.

Чугунов С.М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ – Материалы для антропологии Сибири. Вып. 15. Томск, 1905. 197 с.

Яковлев Я.А. Сергей Михайлович Чугунов // Сибирская старина. Краеведческий альманах. № 22. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 66–67.

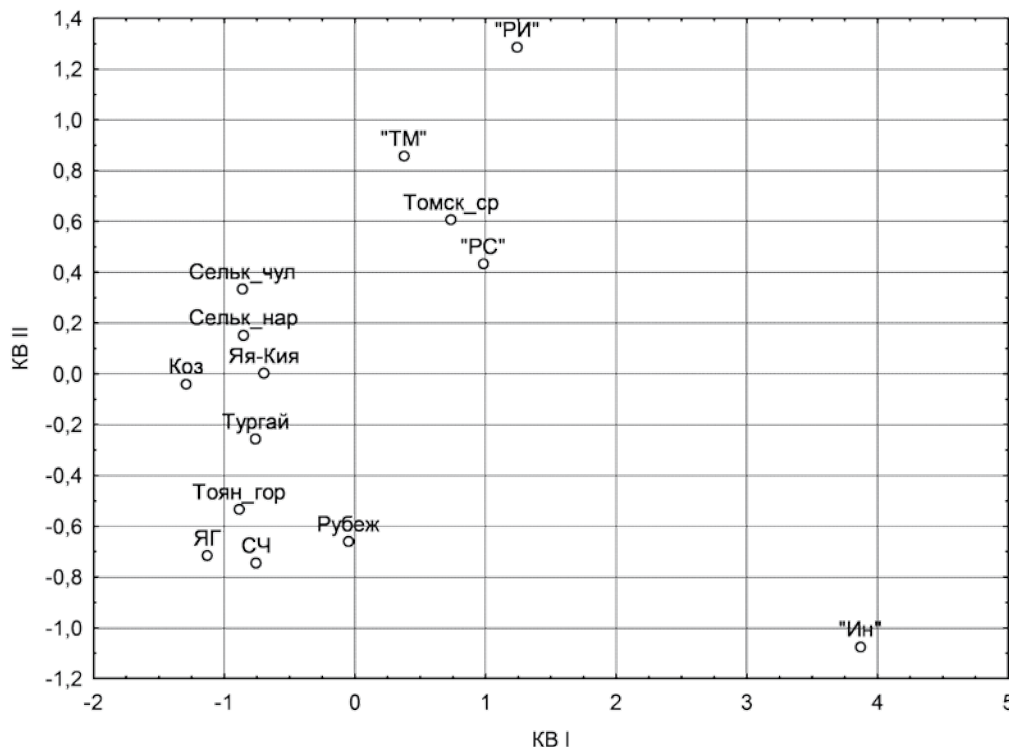

Рис. 1. Расположение мужских краниологических серий в пространстве значений первого и второго канонических векторов

Условные обозначения: Томск_ср – обобщенная характеристика населения Томска (по В.А. Дрёмову), «РС» – «русско-славянский», «РИ» – «русско-инородческий», «ТМ» – «тюрко-монгольский», «Ин» – «другие инородческие» типы С.М. Чугунова, Тоян_гор – Тоянов городок, Коз – Козюлино, Тат_об – татары обские, ЯГ – Ясашная Гора, Тургай – Тургай и Балагачево, Яя-Кия – устья рр. Яя и Кия, СЧ – Средний Чулым, Сельк_нар – селькупы нарымские, Сельк_чул – селькупы чулымские, Пет – Петербургская, Вят – Вятская, Вол – Вологодская, Яр – Ярославская, Олон – Олонская, Кост – Костромская, Пск – Псковская, Нов – Новгородская, Тв – Тверская, Арх – Архангельская, Моск – Московская губернии

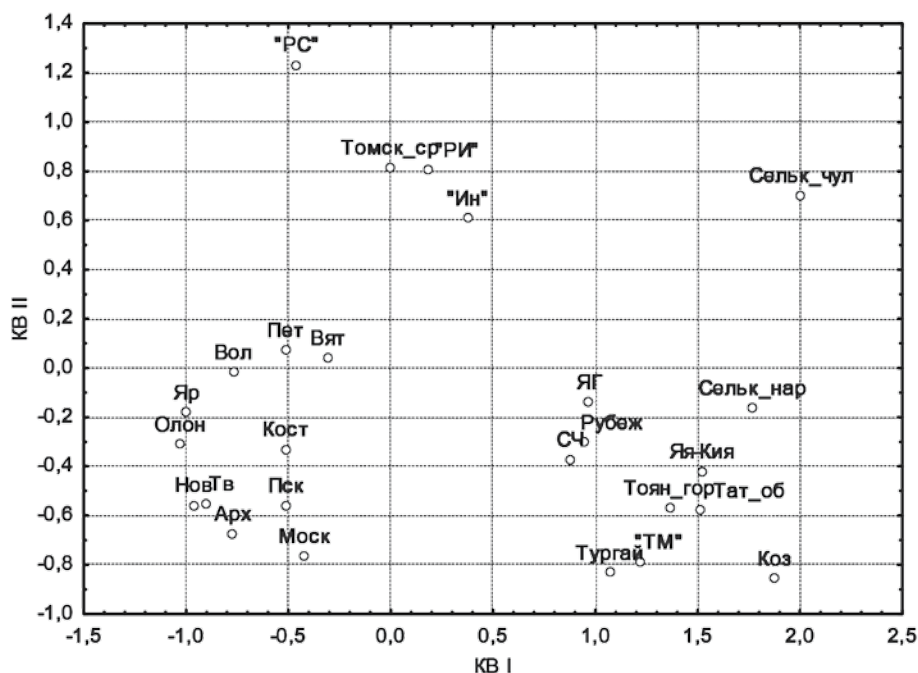

Рис. 2. Расположение женских краниологических серий в пространстве значений первого и второго канонических векторов

Условные обозначения: Томск_ср – обобщенная характеристика населения Томска (по В.А. Дрёмову), «РС» – «русско-славянский», «РИ» – «русско-инородческий», «ТМ» – «тюрко-монгольский», «Ин» – «другие инородческие» типы С.М. Чугунова, Тоян_гор – Тоянов городок, Коз – Козюлино, ЯГ – Ясашная Гора, Тургай – Тургай и Балагачево, Яя-Кия – устья рр. Яя и Кия, СЧ – Средний Чулым, Сельк_нар – селькупы нарымские, Сельк_чул – чулымские